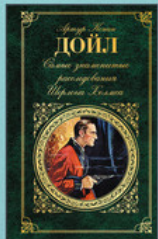

Артур Конан Дойл

Человек с вывернутой губой

*Часть сборника
Самые знаменитые
расследования Шерлока
Холмса*

Артур Конан Дойл

Человек с вывернутой губой

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22477554

Самые знаменитые расследования Шерлока Холмса / Артур Конан

Дойл: Э; Москва; 2017

Аннотация

«Айза Уитни, брат покойного Илайса Уитни, доктора богословия, ректора Богословского колледжа св. Георгия, был курильщиком опиума. Пристрастие это выработалось у него, насколько я понял, в результате глупой проказы, когда он еще учился в колледже. Прочитав у Де Куинси описание его грез и ощущений, он намешал в табак опия в попытке испытать что-нибудь подобное. Как многие и многие, он обнаружил, что привычку эту приобрести куда проще, чем от нее избавиться, и в течение долгих лет он оставался рабом этого наркотика, вызывая у своих друзей и родных ужас, смешанный с жалостью. Я словно вижу его сейчас перед собой, съежившегося в кресле: желтое одутловатое лицо, набрякшие веки и зрачки не шире булавочной головки – скорбные руины некогда благородного человека...»

Артур Конан Дойл

Человек с вывернутой губой

Айза Уитни, брат покойного Илайса Уитни, доктора богословия, ректора Богословского колледжа св. Георгия, был курильщиком опиума. Пристрастие это выработалось у него, насколько я понял, в результате глупой проказы, когда он еще учился в колледже. Прочитав у Де Куинси описание его грез и ощущений, он намешал в табак опия в попытке испытать что-нибудь подобное. Как многие и многие, он обнаружил, что привычку эту приобрести куда проще, чем от нее избавиться, и в течение долгих лет он оставался рабом этого наркотика, вызывая у своих друзей и родных ужас, смешанный с жалостью. Я словно вижу его сейчас перед собой, съевшегося в кресле: желтое одутловатое лицо, набрякшие веки и зрачки не шире булавочной головки – скорбные руины некогда благородного человека.

Как-то вечером (дело было в июне восемьдесят девятого года) мне в дверь позвонили примерно в тот час, когда, зевнув, бросаешь первый взгляд на часы. Я привстал в кресле, а моя жена положила рукоделие на колени с гримаской огорчения.

– Пациент! – сказала она. – Неужели тебе придется опять

уйти?

Я застонал, потому что только-только расположился отдохнуть после тяжелого дня.

Мы слышали скрип отворяющейся двери, торопливые слова, а затем быстрые шаги по линолеуму. Дверь нашей комнаты распахнулась, и в нее вошла дама, одетая в темный костюм и под темной вуалью.

– Простите мой поздний визит, – начала она, а затем, внезапно потеряв власть над собой, бросилась к моей жене, обняла ее за шею и разрыдалась у нее на плече.

– Ах, я в такой беде! – вскричала она. – Мне так нужна помощь!

– Так это же, – сказала моя жена, откидывая ее вуаль, – Кэт Уитни. Как ты меня напугала, Кэт! Когда ты вошла, я тебя не узнала.

– Я в полной растерянности и потому поспешила прямо к вам.

Естественно! Люди в горе устремляются к моей жене, точно птицы на свет маяка.

– Так мило, что ты здесь. А теперь выпей-ка вина с водой, сядь в кресле поудобнее и все нам расскажи. Или ты предпочтешь, чтобы я отослала Джеймса спать?

– Ах, нет-нет! Я нуждаюсь в совете доктора и в его помощи. Все из-за Айзы. Он не возвращается домой уже двое суток. Я так боюсь за него!

Она далеко не в первый раз рассказывала нам о беде сво-

его мужа – мне как врачу, моей жене как старой подруге еще со школы. Мы утешали и успокаивали ее, насколько было в наших силах. Знает ли она, где ее муж? Можем ли мы привезти его к ней?

Оказалось, что можем. Ей было твердо известно, что последнее время, когда потребность давала о себе знать, он отправлялся в курильню опиума на восточном краю Сити. До сих пор его загулы ограничивались одним днем, а вечером он возвращался, дергаясь всем телом, совсем разбитый. Но теперь загул длится уже двое суток, и он все еще, конечно, лежит там среди всякого портового сброда, вдыхая отраву или засыпая от ее воздействия. Она не сомневается, что его можно найти в «Золотом слитке» в переулке Аппер-Суондем-лейн. Но что ей делать? Как может она, молодая робкая женщина, посетить подобное место и вытащить своего мужа из притона, полного преступных негодяев?

Вот так обстояло дело, и, разумеется, выход был только один: не могу ли я проводить ее туда? И, пожалуй, надо ли ей вообще туда ехать? Я ведь врач Айзы Уитни и потому имею на него влияние. И мне будет легче увести его, если я буду один.

Я дал ей слово, что менее чем через два часа я отправлю его домой в кебе, если он действительно отыщется по адресу, который она мне дала. И через десять минут я расстался с моим креслом и уютной гостиной, поспешая в кебе для выполнения поручения на редкость странного, хотя, насколько

странным оно обернулось, показало будущее.

Но началось мое приключение без особых помех. Аппер-Суондем-лейн – это омерзительный проулок на задворках верфей, тянущихся по северному берегу реки на восток от Лондонского моста. Между лавкой старьевщика и кабаком крутые ступеньки вели к черному провалу, подобному входу в пещеру. Это и был притон, который я разыскивал. Велев извозчику подождать, я спустился по ступенькам, глубоко истертым на середине нескончаемой чередой заплетающихся ног, и в мигающем свете керосинового фонаря над дверью нащупал щеколду и вошел в длинное помещение с низким потолком, с воздухом, спертым от бурого опиумного дыма. Помещение это, будто полубак судна, везущего иммигрантов, пересекали деревянные помосты.

В сумраке глаз еле различал фигуры, распростертые в гротескных позах, сгорбленные плечи, согнутые колени, запрокинутые головы, торчащие вверх подбородки. Там и сям темные потускнелые глаза обращались на вошедшего. Среди черных теней маячили кружочки красного света, то вспыхивающего, то еле заметного, когда тлеющая в чашечках металлических трубок отравы то разгоралась, то почти угасала. В большинстве лежали они молча, некоторые бормотали что-то про себя, а третьи как будто вели разговоры странными, тихими, монотонными голосами; беседы их возникали порывами, а затем внезапно обрывались в молчание, причем каждый мямлил собственные мысли, не обращая внимания

на слова своих соседей. В дальнем конце стояла небольшая жаровня с горящим древесным углем, а перед ней на трехноглом деревянном табурете сидел высокий худой старик; положив подбородок на сжатые кулаки, упираясь локтями в колени, он неотрывно смотрел в огонь.

Когда я вошел, ко мне поспешил с трубкой и дозой опиума землисто-желтый слуга-малаец, указывая мне на свободную скамью.

– Благодарю, но я не намерен остаться, – сказал я. – Здесь находится мой друг, мистер Айза Уитни, и я хотел бы поговорить с ним.

Справа от меня послышалось какое-то движение, сопровождавшееся восклицанием, и, прищурившись в сумрак, я увидел, что на меня смотрит Уитни, бледный, изнеможенный, заросший щетиной.

– Бог мой, это же Ватсон! – сказал он. У него начиналась мучительная контрреакция, и все его нервы были болезненно напряжены. – Послушайте, Ватсон, который сейчас час?

– Почти одиннадцать.

– А день какой?

– Пятница, девятнадцатое июня.

– Боже мой! А я думал, сегодня среда. Да нет же, среда и есть. Зачем вам понадобилось пугать меня? – Он уткнулся лицом в руки и пронзительно зарыдал.

– Говорю же вам, сегодня пятница. Ваша жена ждет вас уже двое суток. Постыдились бы!

– Я и стыжусь. Но вы что-то путаете, Ватсон, я ведь тут всего несколько часов... три трубки, четыре трубки... Забыл сколько. Но я поеду с вами домой. Не хочу пугать Кэт, бедную малютку Кэт. Дайте-ка мне вашу руку! Кеб у вас есть?

– Да, он ждет.

– Ну, так я поеду в нем. Но я ведь что-то должен. Узнайте, Ватсон, сколько я должен. Я совсем выдохся и ничего сам делать не могу.

Я направился по узкому проходу между рядами спящих, сдерживая дыхание, чтобы не наглотаться ядовитого дыма, и выглядывая управляющего. Когда я проходил мимо высокого старика у жаровни, меня неожиданно дернули за сюртук, и тихий голос прошептал:

– Пройдите мимо, а потом оглянитесь.

Слова эти я расслышал совершенно ясно и покосился вниз. Прошептать их мог только старик сбоку от меня, однако он все так же сосредоточенно смотрел в огонь, очень худой, очень морщинистый, согбенный годами. Опиумная трубка болталась у него между коленями, словно выпала из его обессиленных пальцев. Я сделал еще два шага и оглянулся. Мне потребовалось все мое самообладание, чтобы не закричать от изумления. Он повернулся так, что никто не мог его увидеть, кроме меня. Его фигура налилась силой, морщины исчезли, тусклые глаза обрели обычный блеск: перед жаровней, улыбаясь на мое изумление, сидел не кто иной, как Шерлок Холмс. Он чуть поманил меня к себе, и в мгню-

вание ока, едва он снова повернул лицо вполоборота в сторону прохода, опять стал воплощением дряхлости и маразма.

– Холмс! – прошептал я. – Что вы делаете в этом притоне?

– Говорите как можно тише, – ответил он. – Слух у меня превосходный. Если вы окажете мне большую любезность и избавитесь от этого вашего одурманившегося друга, я был бы крайне рад побеседовать с вами.

– Меня снаружи ожидает кеб.

– Ну, так, пожалуйста, отошлите его на извозчике домой. Можете ничего не опасаться, он слишком обессилел, чтобы что-нибудь натворить. И я рекомендую отправить с извозчиком записку вашей жене о том, что вы уехали со мной. Если вы подождете снаружи, я присоединюсь к вам через пять минут.

Ответить отказом Шерлоку Холмсу нелегко, так как просьбы его всегда исчерпывающе-прямые и произносятся с невозмутимой уверенностью. Впрочем, усадив Уитни в кеб, я счел свою миссию практически завершенной, ну, а в остальном, что могло быть лучше, чем присоединиться к моему другу в одном из тех удивительных приключений, из которых складывалось его нормальное существование. За две-три минуты я нацарапал записку жене, уплатил по счету Уитни, усадил его в кеб и провожал взглядом, пока кеб не исчезнул с ним в темноте. Очень скоро из курильни опиума появилась согбенная фигура, и я уже шагал по улице рядом с Шерлоком Холмсом. На протяжении двух улиц он, горбясь, ко-

вылял неверной походкой. Затем, быстро оглядевшись, выпрямился и весело расхохотался.

– Полагаю, Ватсон, вы вообразили, будто я добавил курение опиума к уколам кокаина и всем другим моим маленьким слабостям, касательно которых вы одалживали меня врачебными советами.

– Я, бесспорно, удивился, увидев вас там.

– Но не более, чем я, увидев там вас.

– Я пришел туда в поисках друга.

– А я в поисках врага.

– Врага?

– Да, одного из моих природных врагов, хотя, пожалуй, точнее было бы сказать, в поисках моей природной добычи. Короче говоря, Ватсон, я нахожусь в самом разгаре весьма примечательного расследования и надеялся почерпнуть какой-нибудь полезный намек в бормотаниях одурманенных глупцов, как проделывал это и прежде. Если бы меня в этом притоне узнали, моя жизнь не стоила бы и ломаного гроша, так как я использовал его прежде в собственных целях, и негодяй ласкар, хозяин притона, поклялся мне отомстить. Позади этого здания возле угла верфи Поли есть люк, и его крышка могла бы рассказать немало странных историй о том, что именно выносилось через люк в безлунные ночи.

– Как! Неужели вы подразумеваете трупы?

– Именно трупы, Ватсон. Мы бы стали богачами, если бы получали по тысяче фунтов за каждого бедолагу, которого

прикончили в этой берлоге. Самая гнусная ловушка на всем этом берегу, и я боюсь, что Невилл Сент-Клэр вошел в нее, чтобы больше уже не выйти. Но пора нашей двуколке быть уже здесь!

Он всунул два пальца между зубами и пронзительно свистнул. В ответ на этот сигнал такой же свист донесся из некоторого отдаления, а затем послышался стук колес и цокот лошадиных копыт.

– Что же, Ватсон, – спросил Холмс, когда из мрака появилась высокая двуколка между двумя золотистыми туннелями желтого света, отбрасываемыми ее боковыми фонарями, – вы едете со мной, не так ли?

– Если могу оказаться полезным.

– Ну, надежный товарищ всегда полезен. А летописец еще полезнее. В моей комнате в «Кедрах» две кровати.

– В «Кедрах»?

– Да. Это дом мистера Сент-Клэра. Я гощу там, пока веду расследование.

– Но где это?

– Неподалеку от Ли в Кенте. Нам придется проехать семь миль.

– Но я не имею ни малейшего представления...

– Разумеется. Но в самое ближайшее время вы узнаете все. Залезайте! Спасибо, Джон, вы нам больше не понадобятся. Вот полкроны. Ждите меня завтра около одиннадцати. Дайте-ка вожжи. Так до свидания!

Он слегка хлестнул лошадь кнутом, и мы покатали по бесконечной череде темных и пустынных улочек, которые постепенно становились все шире, и вот мы уже понеслись по широкому мосту с балюстрадой над мутной рекой под ним. Позади остался еще один скучный лабиринт из кирпичей и известки, где тишину нарушали только размеренные тяжелые шаги полицейского или песни и крики запоздавшей компании гуляк. Небо затягивала мутная пелена, но в разрывах между облаками там и сям слабо мерцали две-три звезды. Холмс молча управлял лошадью, опустив голову на грудь с видом человека, погруженного в глубокие размышления. Я же сидел рядом, томясь узнать, какие новые розыски, видимо, заставляют его напрягать все свои способности, но боялся нарушить ход его мыслей. Мы проехали две-три мили и приблизились к поясу пригородных вилл, когда Холмс выпрямился, пожал плечами и закурил трубку с видом человека, который убедился, что действует наилучшим образом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.